

Судьба Кеменгерова

Кошмухамед Кеменгеров - писатель, драматург, филолог, историк, общественный деятель. Был репрессирован и расстрелян в ноябре 1937 года. Сегодня мы впервые можем прочесть материалы его дела, протоколы допросов...

Накануне ареста ему приснился сон. Старец, показывая на дом с тремя светящимися окнами, говорит ему: "Теперь ты будешь жить здесь". Дом тот - омская тюрьма - и впрямь окажется для Кошмухамеда Кеменгерова последним пристанищем на земле. Три светящихся окна - трое его оставшихся без отца малолетних детей. В первый арест, случившийся в 1930 году в Алма-Ате, он напишет из тюрьмы полное любви и страданий письмо в стихах. Из омской тюрьмы родные уже не получают ни весточки.

Кошмухамед родился 15 июня 1896 года на территории нынешнего Баянаульского района Павлодарской области. В 1910 году его отец Дуйсебай-кажы вместе с семьей перебирается в Омскую область. Отец будущего писателя был грамотным человеком, стремился, чтобы дети получили хорошее образование, а самые большие надежды возлагал на сына Кошмухамеда. Кошке, как звали его домашние, учился в Омской приходской школе, потом окончил два класса ветеринарно-фельдшерской школы. В 1913 году К. Кеменгеров поступил в Омское сельскохозяйственное училище, работал, решил продолжить образование и в 1919 году поступил в Омский политехнический институт. В 1920 году он был зачислен на зооветеринарный факультет сельскохозяйственного института. Он искал себя в разных сферах деятельности, но все эти годы - писал.

Еще в 1915 году, девятнадцати лет от роду, Кеменгеров печатается в журнале "Айкап" с подборкой стихотворных произведений: собственные стихи, переводы русских поэтов. Среди них и перевод на казахский стихотворения А. Пушкина "Пророк", восхищающий филологов не только бережным отношением к оригиналу, но и близостью к размеру пушкинского стиха.

В десятые годы прошлого века уроженец аула Каржас окунается в немногочисленную, но яркую творческую среду казахской интеллигенции. Конечно же, он не мог не общаться с обучавшимися тогда в омской учительской семинарии будущими классиками казахской поэзии Сакеном Сейфуллиным, Магжаном Жумабаевым. Тогда эти незаурядные люди не могли и представить себе, что "век-волкодав" оборвет их жизни в один и тот же год по разные концы степи.

А пока, полный творческих сил и дерзаний, блестящий знаток нескольких языков, статный, щеголеватый юноша вызывает живейший интерес у окружающих своими способностями и более всего - жаждой знаний. Прочувшись четыре курса в Западно-Сибирском медицинском институте (преобразованном из сельхозинститута), он едет в

Ташкент, становится аспирантом медицинского факультета Среднеазиатского университета, читает лекции по казахскому языку и литературе в университете и на рабфаке, слушателям военного училища. И пишет, пишет... Публицистику, пьесы, статьи в газеты. Он участвует в работе литературного кружка "Алка", в 1924 году редактирует научно-познавательный журнал "Сана" в Ташкенте, принимает участие в издании газеты "Ак жол".

Долгие годы замалчивался факт первенства постановки на сцене казахского национального театра пьесы К. Кеменгерова "Алтын сакина" ("Золотое кольцо"). Теперь это официально признанный факт - республиканский театр открылся в 1926 году постановкой пьесы, написанной нашим земляком.

В историю культуры он должен был войти уже тем, что именно под его редакцией в 1925 году в Москве вышел первый русско-казахский словарь. В этом же году вышла книга "Бывшие угнетенные народы", годом ранее - большой труд "Из истории казахов", в 1928-1929 годах - две книги "Учебное пособие для европейцев". Таким образом, за пять лет он выпускает пять книг. Поразительная работоспособность!

Из изданных при жизни писателя книг уцелел лишь словарь, который в руки его родных попадет чудом, из пункта приема макулатуры, где его обнаружит женщина, которой фамилия "Кеменгеров" о чем-то говорила. Это был первый знак свыше возвращения из забвения его имени. Ведь почти все изданные при его жизни книги, а также рукописи исчезнут еще в первый арест в 1930 году, когда, несмотря на подписанную еще в 1925 году декларацию об отказе от "национальной идеологии", подверглись преследованиям видные казахские литераторы, бывшие члены партии "Алаш". В том числе и К. Кеменгеров, после двух лет заключения в алматинской тюрьме сосланный в местечко Валуйки под Воронежем.

В 1935 году он получает короткую передышку от преследований, возвращается в Омскую область, начинает работать в Щербакульском райотделе здравоохранения инструктором.

7 августа 1937 года - вновь арест. На допросах ему снова и снова задают вопросы по прошлому делу, требуют признать участие в контрреволюционной деятельности по показаниям других обвиняемых. На что Кеменгеров уже на первом допросе отвечает: "Членом контрреволюционной организации националистов я не состою и не состоял, виновным себя не признаю".

На заданный вопрос о национальности отвечает: "Казах, к несчастью". И разъясняет это "к несчастью": "Мы, казахи, стремились до Октябрьской революции к национальному освобождению, и у меня лично до моего ареста 1930 года оставались некоторые пережитки националистической тенденции, за что я понес известное наказание.

Если бы я не был казахом, то я бы не воспитывался в национальном духе..." Сколько горечи в этих словах!

По делу П-78791 проходят 82 жителя Щербакульского района Омской области. Третий в списке - Кошмухамед Кеменгеров.

Строчки из обвинительного заключения: "Являясь выходцами из социально-чуждой среды и входя в состав контрреволюционного центра националистической организации "Алаш-Орда", подготавливали вооруженное восстание против Советской власти, ставили конечной целью отторжение от СССР национальных республик и создание независимого пантюркского государства под протекцией Японии".

Соединить тюрков под эгидой Японии - все равно, что славян под крылом Ватикана. Но стряпчим, сфабриковавшим дело, не до таких тонкостей. Тут в дело, как вещественное доказательство, годны и охотничьи ружья. Целых 14 штук "разных охотничьих ружей" на 82 арестанта фигурируют в деле. Известно, что степняку, живущему разведением скота, без охотничьего ружья не сберечь скот от волков, а семью - от голода...

Абсурдность своих обвинений следователи и не пытаются скрыть, как и свести концы с концами. Так, Кеменгерову вменяют в вину возвращение после ссылки на родину, где оставались его дети под опекой родных, якобы с целью расширения связей для диверсионной работы. На что Кеменгеров отвечает: "Связи со своими родственниками я считал вполне нормальными и ничего особенного в этом не находил. В Щербакуль облздравотдел меня послал как человека, владеющего казахским языком. Круг знакомых в районе расширился у меня по роду моей работы как госсанинспектора".

Фигурирует и такое экзотическое обвинение, как сбор средств для испанских фашистских мятежников. Хотя убедительнее бы звучало обвинение в сборе средств для доведшего до черты и ополовиненного страшным голодом 1932-34 годов населения степного края. Об этом частично говорит на допросе и Кеменгеров: "О плохой жизни казахских семей, голоде, разговоры, возможно, имели место..."

Предпоследний допрос. Снова и снова ему задают вопрос, почему после окончания ссылки он не поехал в Алма-Ату, а приехал в Щербакуль. И Кошмухамед повторяет в который раз: "Я не поехал больше туда, стремился порвать со своим прошлым и лишиться связей, которые могли быть истолкованы как политическое преступление, совершаемое мною против Советской власти... Я поставил себе задачу работать честно, отдать себя делу воспитания детей и мыслил начать писать книгу, отражающую мою жизнь и преодоление мною всяких антисоветских политических мировоззрений". Последние строчки о замысле писать книгу чьей-то рукой жирно подчеркнуты карандашом. Видимо,

в них усмотрена особая крамола. Люди, нешаблонно мыслящие, умеющие анализировать, смеющиеся размышлять были вовсе не нужны режиму.

И последний допрос от 10 ноября 1937 года. По всему видно, поджимают сроки. Вопросы звучат отрывисто, в виде требований признать контрреволюционную деятельность по показаниям других обвиняемых. И столь же категоричны ответы Кеменгерова: "не признаю... не давал... не знаю..."

Обвинительное заключение тройки УНКВД по Омской области от 17 ноября 1937 года поместилось на клочке бумаги в половину тетрадного листа. На такую уйму подследственного народа, видимо, у властей никакой бумаги не хватало. В правом столбце на том же клочке приговор: "Расстрелять".

Все изъятое при обыске: рукописи книги на казахском языке, записки, две толстые общие тетради (конечно же, тоже с записями) - исчезнет. Да и кто бы их хранил, когда с людьми расправлялись так, что следов их захоронений по сей день не найти.

Протестом прокурора от 1 августа 1957 года решение тройки УНКВД было отменено, а дело прекращено. "Передопрошенные" не подтвердили своих ранее данных показаний, полученных, как явствует из дела, в результате применения незаконных методов допроса со стороны Будкина, бывшего начальника Щербакульского РО НКВД, который двумя годами позже за это понес "дисциплинарное взыскание". Вот так: на одной чаше весов - дисциплинарное взыскание, на другой - человеческие жизни.

Из "Протеста...": "следственные документы составлялись на русском языке, которым не владело большинство из числа осужденных. Записи в протоколах шаблонные, и содержание одних документов противоречит другим. Никаких очных ставок, никакого знакомства с материалами дела. Уголовное дело за отсутствием состава преступления прекращено 29.07.57 г."

Из 82 проходивших по делу 64 человека были расстреляны, в их числе и Кеменгеров. Остальные осуждены на длительные сроки.

На долю оставшейся с маленькими детьми на руках жены писателя Гульсум выпадет участь одной поднимать детей. Получив справку о реабилитации мужа, эта мужественная женщина в начале шестидесятых едет в Алма-Ату.

В павлодарском музее литературы и искусства им. Бухар жырау хранится копия этой справки Военного трибунала Сибирского военного округа, г.Новосибирск, 17 августа 1957 года: "Дело прекращено за отсутствием состава преступления... К. Кеменгеров реабилитирован посмертно..." За этими официальными словами стояла жизнь и смерть любимого человека, погибшего в расцвете творческих сил.

Жена К. Кеменгерова начинает огромную работу по возвращению доброго имени Кошмухамеда, изданию его сохранившихся трудов. Несколько лет хождений по

чиновничьим кабинетам увенчались было успехом. В 1965 году выходит "Избранное". Но говорить, что правда восторжествовала, было еще рано. Практически сразу же после выхода книги по чьему-то трусливому распоряжению тираж был изъят, не успев попасть к читателю. Хрущевская оттепель заканчивалась. Сейчас книга - библиографическая редкость. Нет этого издания и у родственников писателя. Единственный, бережно хранившийся в семье экземпляр, "присвоил" кто-то с выставки в дни празднования юбилея писателя в Астане.

Гульсум не довелось дожить до всенародного признания заслуг своего мужа, она умерла в 1988 году.

К 100-летию писателя его потомки - дети и внуки - издали "Избранное" на свои средства. Все они выросли достойными его имени людьми, унаследовав незаурядность и пытливость ума Кошмухамеда Кеменгерова, одного из "непримирённых" сыновей своего народа. Это о таких, как он, писала в эмиграции русская поэтесса Ирина Кнорринг: "...Час, когда, устав от смутных дел, Город спит, как зверь настороженный, А в тюрьме выводят на расстрел Самых лучших и непримирённых".

(Автор выражает благодарность за предоставленный материал Айгуль БЕСКЕМПИРОВОЙ).